

Prof. Dr. Dr. h.c. mult. Reinhard Zimmermann was born on October 10, 1952 in Hamburg.

He studied law at the University of Hamburg. After completing his State Examination in 1979 he became a research assistant to Jens Peter Meincke in Cologne, before taking over the Chair of Roman Law and Comparative Law (named for W.P. Schreiner) at the University of Cape Town in 1981.

In 1988 he was appointed a professor at the University of Regensburg.

Since 2002 he has been a director at the Max Planck Institute for Comparative and International Private Law in his hometown, Hamburg; in addition he is Affiliate Professor at the Bucerius Law School in Hamburg and Honorary Professor at the University of Edinburgh.

He holds nine honorary doctorates and is a Corresponding Fellow of the Royal Society of Edinburgh, of the British Academy and several other Academies (Göttingen, Bavaria, Turin, Austria, Royal Academy of the Netherlands).

From 2006 to 2010 he was the chairman of the social sciences division of the Max Planck Society.

**Interview with Reinhard Zimmermann,
a director of the Max Planck Institute
for Comparative and International Private
Law, by Alexander Vereshchagin, Editor-in-
Chief of "Zakon" Journal**

**На вопросы главного редактора журнала
«Закон» Александра Верещагина
отвечает директор Института
зарубежного и международного
частного права имени Макса Планка
Райнхард ЦИММЕРМАНН**

Профессор, доктор юридических наук Райнхард Циммерманн родился 10 октября 1952 г. в Гамбурге.

Изучал право в Гамбургском университете. В 1979 г. сдал государственный экзамен и стал научным ассистентом Йенса Петера Майнке в Кёльне, а в 1981 г. возглавил кафедру римского права и сравнительного правоведения имени В.П. Шрайнера в Кейптаунском университете.

В 1988 г. стал профессором Регенсбургского университета.

С 2002 г. по наст. вр. — директор Института зарубежного и международного частного права имени Макса Планка в своем родном Гамбурге. Кроме того, он является аффилированным профессором юридической школы Буцериуса в Гамбурге и почетным профессором Эдинбургского университета.

Имеет девять почетных докторских степеней. Член-корреспондент Королевского общества Эдинбурга, Британской и других академий (Гёттингенской, Баварской, Туринской, Австрийской, Королевской академии Нидерландов).

С 2006 по 2010 г. — председатель Отдела социальных наук Общества Макса Планка.

FREEDOM OF CONTRACT IS FUNDAMENTAL TO A LIBERAL SOCIETY*

СВОБОДА ДОГОВОРА ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ ДЛЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

— In our country, since Soviet times there has been a view that all rules of contract law and obligation law by default and without any exception should be considered mandatory and that derogations from them are permissible only where it is expressly stated that the parties have the right to agree otherwise. This approach is gradually being rejected, but it still has supporters. How would you rate this approach? And if we allow for teleological interpretation, then which refutable presumption is more logical to proceed from — the presumption of imperativeness or the presumption of dispositivity?

— Freedom of contract is fundamental to a liberal society. It implies that parties are free to conclude whatever contract they want to conclude and that they are free to reject the conclusion of a contract. The former (i.e., positive) dimension of freedom of contract includes the freedom to select one's contractual partner, the freedom to enter into a contract, the freedom to determine its content, and the freedom to modify an existing contract. These freedoms provide a key feature for all European systems of contract law, as is evident,

— В России еще с советских времен существует мнение, что все нормы договорного и обязательственного права по умолчанию и без исключений должны считаться императивными, а отступления от них допустимы, только если на это прямо указано в законе. Такую позицию все чаще называют несостоятельной, но у нее все еще есть сторонники. Как бы Вы ее оценили? И если уж допускать телеологическую интерпретацию, то из какой опровергимой презумпции логичнее исходить — презумпции императивности или презумпции диспозитивности?

— Свобода договора является основополагающей для либерального общества. Она означает, что стороны вправе заключать любой договор, который хотят, равно как и отказаться от его заключения. Первый (т.е. позитивный) аспект свободы договора подразумевает свободу выбора контрагента, заключения договора, определения и изменения его содержания. Эти свободы являются ключевой характеристикой всех европейских систем договорного права, что видно, например, в ст. 1:102 Принципов Европейского договорного права (*PECL*). Они даже нашли отражение в своде глобального, т.е. не только европейского, коммерческого договорного права (см. ст. 1.1, 1.4 и 1.5 Принципов международных коммер-

* The Editorial Board would like to thank Professor of St. Petersburg State University A.D. Rudokvas for his help in organising and preparing the interview, as well as Professor of Moscow State University V.A. Belov and Associate Professor of Higher School of Economics M.A. Erokhova for their help in writing questions for it.

** Редакция благодарит профессора СПбГУ А.Д. Рудокваса за помощь в организации и подготовке интервью, а также профессора МГУ имени Ломоносова В.А. Белова и доцента НИУ ВШЭ М.А. Ерохову за помощь в подготовке вопросов.

for example, in Art. 1:102 Principles of European Contract Law (PECL). It is even part of a restatement of global (rather than merely European) commercial contract law (see Arts. 1.1, 1.4 and 1.5 Principles of International Commercial Contracts (PICC)). At the same time, all modern legal systems also contain mandatory rules, which can also be taken from provisions such as Arts. 1:102 PECL and 1.5 PICC. Such mandatory rules are the exception and need a specific justification (e.g., protection of one of the parties to the contract, *ordre public*, prevention of immorality). Oftentimes mandatory rules specifically state that the parties are not free to derogate from them. In other cases, the matter must be determined by interpretation. Such interpretation, on the part of courts and legal writers, must be guided by the purpose of the rule in question (purposive/teleological interpretation).

It should be noted that a contract violating a mandatory rule is not necessarily invalid. Once again, the purpose of the rule concerned is of central importance in that respect (see Arts. 15:102 PECL and 3.3.1 PICC).

— **In your opinion, what are the main factors that limit the freedom of contract? Public law restrictions or the asymmetry of contractual power, what determines in modern private law the limits of paternalism with respect to contracts?**

— It is generally recognised that a legal system cannot tolerate contracts that are contrary to principles recognised as fundamental in a given legal system (or in the European legal systems in general). This general principle is expressed differently in different legal systems (*boni mores*, *ordre public*, public policy). In addition, a legislator can prohibit contracts for a number of legitimate purposes. Examples mentioned in the comments to some of the European contract law restatements include statutes requiring a licence for providing credit to consumers or for supplying certain chemicals, legislation prohibiting court officials from engaging in remunerated activities outside their employment, or the imposition of safety regulations regarding the transport of dangerous goods. A mandatory fairness control can be imposed due to a (partial) failure of the market. A good example is the control

of such contracts (PICC). Вместе с тем все современные правовые системы предусматривают обязательные нормы, что также следует из ст. 1:102 PECL и 1.5 PICC. Но подобные императивные нормы являются исключением и потому нуждаются в специальном обосновании (например, защита одной из сторон договора, соблюдение публичного порядка, защита нравственности). Зачастую они недвусмысленно запрещают сторонам отступать от них. В остальных случаях этот вопрос должен решаться путем толкования норм судами и юристами. Такое толкование должно, в свою очередь, исходить из цели соответствующей нормы (целенаправленное/телеологическое толкование).

||| Нужно отметить, что договор, нарушающий императивное правило, необязательно является недействительным. Потому что, еще раз подчеркну, цель рассматриваемой нормы имеет здесь первостепенное значение (см. ст. 15:102 PECL и 3.3.1 PICC).

— **На Ваш взгляд, какие главные факторы ограничивают свободу договора? Публично-правовые запреты или, например, асимметрия договорных возможностей — что определяет в современном частном праве пределы патернализма в отношении договоров?**

— Общепризнано, что правовая система не может мириться с договорами, если они противоречат принципам, которые являются основополагающими для нее (или для европейских правовых систем в целом). Этот общий подход по-разному выражен в различных правовых системах — *boni mores*, *ordre public*, *public policy*. Кроме того, законодатель, преследуя отдельные законные цели, может запретить заключать договоры в некоторых случаях. Авторы комментариев к некоторым сводам европейского договорного права приводят в качестве примеров законы, требующие получать лицензию для выдачи кредитов потребителям либо для поставки определенных химических веществ, или запрещающие судебным должностным лицам заниматься оплачиваемой деятельностью за пределами их работы, или устанавливающие правила перевозки опасных грузов. Обязательный контроль справедливости договорных условий может осуществляться по причине

of standard terms of business. No effective competition exists concerning such terms, which means that there is no effective (market) mechanism ensuring that standard contract terms are fairly balanced.

In the course of the 20th century, we have witnessed a rise of legislative interventionism in the form of mandatory rules — the imposition of new rules infused by socio-ethical considerations, e.g., by a sensibility for inequality of bargaining power, or a desire to protect a ‘weaker’ party. This has often been described as a process of ‘materialisation’ of contract law. My view on this is that freedom of contract is not an end in itself. Rather, it must be regarded as a means of promoting the self-determination of those who wish to conclude a contract. This means that both parties to a contract must have the chance to bring their own interests to bear upon the content of the contract. If that is the case, the legal system can accept the contract as constituting a just solution for the conflicting interests of the parties. At the same time, this means that a contract cannot bring about a just regulation in situations where one of the parties is typically deprived of its freedom of choice, and this is why the legal system has to exercise some kind of control in such situations. So, for example, the right of revocation granted to consumers in a ‘doorstep selling’ situation can be explained in this way: the consumer is typically caught off guard and thus in a particularly vulnerable situation where his decision to conclude a contract cannot be presumed to have been a proper act of self-determination.

— In Germany, as in many countries, there is a dichotomy of private law with separate regulation of commercial relations. However, German commercial law (HGB) is not as developed as BGB. Does this mean that, in general, this division is gradually becoming a thing of the past? How do you generally look at the issue of the dichotomy of civil and commercial law given the existing realities and developments in civil law science?

— The duality of codifications for general private law and commercial law in a number of countries (particularly in France and Germany) can be explained historically. Commercial law was unknown as a separ-

(частичного) сбоя в функционировании рынка. Хорошим примером является контроль стандартных условий договоров. В момент их формулировки отсутствует эффективная конкуренция, так что отсутствует и эффективный (рыночный) механизм, обеспечивающий справедливый баланс интересов сторон.

В XX в. мы наблюдаем рост законодательного интервенционизма в форме императивных норм, а именно в виде установления таких правил из социально-этических соображений, например осознания неравенства переговорной силы сторон или желания защитить более слабую сторону. Это часто называется материализацией договорного права. Я считаю, что свобода договора не является самоцелью. Скорее, ее следует рассматривать как средство содействия самоопределению тех, кто желает заключить договор. Это означает, что обе стороны должны иметь возможность привнести свои собственные интересы в содержание соглашения. В этом случае правовая система примет его как справедливое решение конфликта этих интересов. В то же время это означает, что договор не может обеспечить справедливое регулирование в случаях, когда одна из сторон обычно лишена свободы выбора, и именно поэтому правовая система должна осуществлять в таких ситуациях определенный контроль. Например, в ситуации «продажи у порога»¹ потребителям предоставляется право на отказ от договора, поскольку в момент его заключения они, как правило, застигнуты врасплох, а значит, находятся в особо уязвимом положении, когда их решение заключить договор не может считаться надлежащим актом самоопределения.

— В Германии, как и во многих странах, существует дихотомия частного права с отдельным регулированием коммерческих отношений. Однако Торговый кодекс Германии (HGB) не так развит, как Гражданский (BGB). Означает ли это, что такое разделение постепенно уходит в прошлое? Как Вы вообще оцениваете дихотомию гражданского и коммерческого права с учетом существующих реалий и развития науки гражданского права?

— Дуальность кодификаций общего частного права и коммерческого права в ряде стран (особенно во Франции и Гер-

¹ Подробнее об этом см.: https://e-justice.europa.eu/content_doorstep_selling_directive_85577-623-en.do (дата обращения: 07.08.2019).

rate branch of private law in Roman law and emerged only in the high Middle Ages as an (originally transnational) body of rules pertaining to merchants. When the French codified their private law, they decided to respect and perpetuate the traditional duality and thus enacted a Code civil (1804) and a separate Code de commerce (1807). In Germany, the codification of commercial law came first (in the form of the ADHGB of 1861), prompted by a desire to achieve national unification in an area of the law that was regarded as particularly economically relevant. When, towards the end of the 19th century, a national codification of general private law was eventually prepared, its draftsmen refused to countenance the idea of an integrated ‘code unique’. Once again, they were largely guided by tradition. Today, there is definitely an international trend towards a ‘code unique’. This has a number of reasons and is to be welcomed. The German commercial code is not really a codification in the proper sense of the word because it is not comprehensive; it can only be understood and applied against the background of the general law of obligations. Also, we have seen a development that can be described as ‘commercialisation’ of private law.

Modern general contract law is well-adapted to the needs of commercial practice and so there is only a very limited need for special provisions applicable to merchants. Such provisions can easily be integrated into a general code of private law.

— **Provisions of the Laws of Obligations are mostly formulated as contractual provisions. What are the patterns of their extension to non-contractual obligations?**

— I am not so sure whether your assertion is correct. In Germany, for example, we have a general law of obligations for the very reason that rules (e.g., on set-off, performance, assignment, and plurality of debtors and creditors) are supposed to apply to both contractual and non-contractual obligations. The same conceptualisation underlines the so-called Draft Common Frame of Reference: the attempt to write a set of European model rules not only for the law of contract but for obligations in general.

мании) сложилась исторически. В римском праве коммерческое право не рассматривалось как отдельная отрасль частного права, оно возникло только в эпоху Высокого Средневековья, причем изначально как транснациональный свод правил для купцов. Когда французы кодифицировали свое частное право, они решили отдать дань уважения традиционной двойственности, сохранив ее, и в итоге приняли Гражданский кодекс (1804 г.) и отдельно Торговый кодекс (1807 г.). Германия сначала кодифицировала коммерческое право (в форме Общегерманского торгового кодекса — ADHGB 1861 г.), посчитав необходимым унифицировать на национальном уровне ту область права, которая считалась особенно важной для экономики. Когда к концу XIX в. завершилась подготовка национальной кодификации общего частного права, ее составители отказались от идеи единого кодекса. При этом они также во многом следовали сложившейся традиции. Сегодня, безусловно, существует международная тенденция к принятию *code unique*. Она вызвана рядом причин и должна приветствоваться. Немецкий торговый кодекс не является кодификацией в собственном смысле этого слова, поскольку он не всеобъемлющий и может быть понят и применен только на фоне общего обязательственного права. Кроме того, мы наблюдаем процесс, который можно назвать коммерциализацией частного права.

Современное общее договорное право хорошо адаптировано к потребностям коммерческой практики, и поэтому необходимость в специальных положениях для коммерсантов весьма невелика. Такие положения могут быть легко интегрированы в общий кодекс частного права.

— **Положения обязательственного права, как правило, формулируются применительно к договорным обязательствам. По каким принципам их действие распространяется на обязательства внедоговорные?**

— Я не уверен, что ваше утверждение верно. Например, в Германии общее обязательственное право существует именно потому, что его правила (например, о зачете, исполнении, уступке и множественности должников и кредиторов) подлежат применению как к договорным, так и к внедоговорным обязательствам. Эта же концепция лежит в основе так называемых Модельных правил европейского частного права (*DCFR*), ставших попыткой создать свод модельных европейских правил не только для договорного права, но и для обязательственного права в целом.

— In Europe, there are several areas of unification of private law: the principles of UNIDROIT, DCFR, etc. Is there a problem of legal conflicts between them?

— Today there are so many textual layers of European contract law that it is very difficult not to get lost in them. This is why it appears to me to be necessary to analyse these texts in a genetic and comparative perspective. At the same time, it has to be explored to what extent these various textual layers can indeed be taken to be genuinely European in nature, i.e., to constitute a common core, or restatement, of European contract law. This is what Nils Jansen and I (together with 20 colleagues very closely associated with us) have attempted to do in a book called ‘Commentaries on European Contract Laws’ that was published by Oxford University Press in 2018. In that book, we try to provide a reliable point of orientation as well as a suitable point of departure for future (legislative or other) initiatives in the field of European contract law.

— Is legal transplantation reality or myth? And as a certain nation evolves to a certain legal institution the rule of law accepts it, does not borrow, does not copy, but in effect formulates the concept of property, contract, and responsibility?

— Legal borrowing is a regular occurrence in the judicial, doctrinal, and legislative development of just about every modern legal system. It relates to concepts, rules, and legal institutions. And it is one of the tasks of a comparative lawyer faithfully to describe, carefully to analyse, and critically to assess concepts, rules, and legal institutions in various legal systems so as to make them available for judges, legal writers, and legislators as impetuses for the development of their own legal system.

Good comparative work will always be mindful of the context in which a concept, rule, or legal institution has developed elsewhere, and the comparative lawyer may thus caution against legal borrowing or encourage it.

— В Европе существует несколько направлений унификации частного права: принципы УНИДРУА, DCFR и др. Возникают ли коллизии между ними?

— Сегодня существует так много текстовых слоев европейского договорного права, что очень трудно в них не затеряться. Вот почему я считаю необходимым проанализировать эти тексты с точки зрения их происхождения и сравнительно-правовых позиций. В то же время следует изучить, в какой степени эти различные текстовые слои могут считаться подлинно европейскими по своей природе, т.е. представляющими собой общее ядро, или свод Европейского договорного права. Именно это мы с Нильсом Янсеном (и еще двадцатью коллегами, тесно связанными с нами) попытались сделать в книге под названием «Комментарии к европейскому договорному праву», которая была опубликована издательством Оксфордского университета в 2018 г.² Мы попытались дать надежный ориентир, а также подходящую отправную точку для будущих (законодательных или иных) инициатив в области европейского договорного права.

— Существует ли такое явление, как юридическая трансплантация, или это миф и в действительности правопорядок принимает определенный институт, когда общество до него дорастает? И при этом он не заимствует его, не копирует, а именно формулирует свое понятие, например собственности, договора, ответственности?

— Правовое заимствование — это обычное явление в судебном, доктринальном и законодательном развитии почти всех современных правовых систем. Это относится к понятиям, правилам и правовым институтам. И одна из задач юриста-компаративиста — точно описать, тщательно проанализировать и критически оценить концепции, правила и правовые институты в различных правовых системах, чтобы судьи, юристы и законодатели увидели в них стимулы для развития их собственной правовой системы.

Хорошая сравнительная работа непременно учитывает контекст, в котором концепция, правило или правовой институт развивались, и на этой основе компаративист может предостеречь от юридического заимствования или поощрять его.

² Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. Oxford University Press, 2018.

And he will always be aware of the fact that concepts, rules, or legal institutions can have different effects and develop differently in another legal context or environment.

— What determines the grounds for unilateral termination of contractual relations in modern law? Are these subjective (breach of contract) or objective (significant change of circumstances) grounds, and what are trends in their application? In Russia, for example, following the 2014 crisis, the parties often tried to refer to the changing economic situation and even establish it as a result of the change in national economic policy, which they were unable to foresee. Should such circumstances be taken into account when deciding on the impossibility of maintaining obligations in their previous form?

— Modern legal systems (as opposed to Roman law!) usually grant a party the right unilaterally to terminate a contract in case of non-performance (or breach). However, they usually do not allow such termination for all types of non-performance, but only if the non-performance is of sufficient gravity to justify such a drastic step. The term used today to indicate this threshold is that the non-performance must be ‘fundamental’. However, the aggrieved party has the possibility to ‘upgrade’ non-fundamental non-performance by establishing an additional period for performance after the lapse of which he may resort to termination. This two-fold approach essentially constitutes a combination of the English and French approach (*‘fundamental,’ ‘suffisamment grave’*) and the German one (*‘Nachfrist’*). It goes back to Arts. 49 and 64 CISG and has gained widespread international acceptance. Thus, it can be found in Arts. 9:106 (3) and 9:301 PECL and in Arts. 7.1.5 and 7.3.1 PICC.

A different issue is what you refer to in your question as (unilateral) termination ‘for objective reasons’. A number of legal systems have special provisions granting such right to an aggrieved party under certain circumstances. In Germany we have the doctrine of *‘Störung der Geschäftsgrundlage’*, which was developed by courts and legal writers before it became part and parcel of the BGB in 2002. The

On всегда будет осознавать тот факт, что концепции, правила или правовые институты могут иметь иной эффект и развиваться иным образом в другом правовом контексте или среде.

— Можно ли сказать, что основания для одностороннего разрыва договорных отношений в современном праве субъективные (нарушение договора) или объективные (существенное изменение обстоятельств)? И каковы тенденции их применения? В России, к примеру, после кризиса 2014 г. стороны нередко пытались сослаться на изменившуюся экономическую обстановку или даже на изменение государственной экономической политики, которое они не в состоянии были предвидеть. Нужно ли учитывать подобные обстоятельства при решении вопроса о невозможности сохранения обязательств в прежнем виде?

— В отличие от римского права современные правовые системы обычно предоставляют стороне право в одностороннем порядке прекратить действие договора в случае его неисполнения или нарушения. Однако это право обычно возникает не при любом неисполнении обязательств, а только при достаточно серьезном, позволяющем оправдать столь решительный шаг. Термин, используемый сегодня, гласит, что неисполнение должно быть «существенным». Тем не менее пострадавшая от этого сторона имеет возможность «поднять статус» неисполнения, которое не является «существенным», установив дополнительный срок исполнения, по истечении которого она может прекратить действие договора. Этот двухступенчатый подход, по существу, сочетает в себе английский и французский подходы (*fundamental, suffisamment grave* соответственно) с немецким (*Nachfrist*). Он восходит к ст. 49 и 64 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров и получил широкое международное признание. Так, его можно найти в ст. 9:106 (3) и 9:301 PECL и в ст. 7.1.5 и 7.3.1 PICC.

Другой вопрос — это то, что Вы называете «объективными причинами» одностороннего прекращения договора. В ряде правовых систем предусматриваются специальные положения, предоставляющие такое право стороне, оказавшейся в невыгодном положении в связи с определенными обстоятельствами. В Германии есть доктрина *Störung der Geschäftsgrundlage*, изначально разработанная судами и исследователями, а затем ставшая неотъемлемой ча-

Italian *Codice civile* also has a provision on change of circumstances. A functional counterpart in English law is the doctrine of frustration of contract. Even French law, after the 2016 reform and in spite of its long-standing rejection of such doctrine, now has a provision on '*imprévision*' which is strikingly similar to the respective German rule.

The emerging international consensus is best captured by Art. 6:111 PECL (Change of Circumstances). Key elements are that the contract must have become excessively onerous for one of the parties due to a change of circumstances (which is specified in a number of respects) and that the parties must first enter into negotiations with a view to adapting the contract or ending it. Only if such agreement is not reached can the court (!) end or adapt the contract.

статью ГГУ в 2002 г. В итальянском Гражданском кодексе также имеется положение об изменении обстоятельств. Функциональным аналогом в английском праве является доктрина фрустрации договора. Даже французское право после реформы 2016 г., несмотря на его длительный отказ от подобной доктрины, теперь содержит положение об *imprévision*, поразительно похожее на соответствующее немецкое правило.

Формирующийся международный консенсус лучше всего отражает ст. 6:111 *PECL* об изменении обстоятельств. Ключевым здесь является то, что в результате изменения обстоятельств (которые определены в ряде аспектов) договор должен стать чрезмерно обременительным для одной из сторон и что стороны должны сначала вступить в переговоры с целью изменения договора или прекращения его действия. И только если такое соглашение не будет достигнуто, суд (!) прекращает или изменяет договор.

— One of your books, which is popular in Russia, discusses the law of set-off and prescription. Different readers have their versions of why these two institutions are combined in one book. What is your answer to the question: why are the set-off and prescription combined in one monograph?

— Set-off and prescription were the topics that I was responsible for in the Working Group leading up to PECL III. I did much of the work for them, and for PECL III in general, during the time when I was the A.L. Goodhart Professor of Legal Science at the University of Cambridge and Fellow of St. John's College. This is why I thought that it was appropriate to arrange my Goodhart Lectures (this is the book you are referring to) around these topics.

— В России популярна одна из Ваших книг про зачет и исковую давность. Читатели высказывают разные версии, почему эти институты объединены в одной работе. А как Вы ответите на этот вопрос?

— Зачет и исковая давность были двумя темами, за которые я отвечал в рабочей группе, занимавшейся подготовкой *PECL III*. Я сделал большую часть работы для них и для *PECL III* в целом. В то время я был приглашен в качестве профессора на кафедру юридических наук имени А.Л. Гудхарта в Кембриджском университете и был членом колледжа Святого Иоанна. Поэтому-то я и посчитал уместным выстроить лекции на Гудхартовских чтениях (а именно они и составили ту книгу, о которой Вы говорите) вокруг этих тем.

— You are one of the scholars who theoretically supports the objective limitation period — no more than 10 years from the infringement of a right (except for certain cases). Could this period be extended in any way? Why is it 10 years?

— The modern mainstream approach to ('extinctive') prescription is based on the combination of

— Вы являетесь одним из ученых, которые теоретически поддерживают объективную исковую давность — не более десяти лет с момента нарушения права (за некоторыми исключениями). Может ли этот срок быть продлен каким-либо образом? Почему именно десять лет?

— Принятый в современном праве подход к так называемой объективной исковой давности основан на сочетании

a relatively short period (usually three years) tied to the criterion of knowledge and reasonable discoverability and a long period tied to an objective criterion at the expiration of which prescription occurs in any event (i.e., independently of knowledge and reasonable discoverability). The long period is the necessary balance for the uniform (!) short general period. Ten years is the period that can be found in Art. 11 Product Liability Directive and in a number of national legal systems, and it is also laid down in Arts. 14:307 PECL and 10.2 PICC. However, it is usually supplemented by a thirty-year period for personal injuries. Sometimes even thirty years is regarded as too short for asbestos-related diseases and for personal injury suffered as a result of sexual abuse. Environmental harm may also require special consideration. As a general rule, for claims other than personal injuries, a period of ten years seems to enjoy considerable support internationally.

— Why would a modern student study Roman law? What can knowledge of Roman law give to a lawyer?

— There are about as many answers to the question as there are approaches to the study and the teaching of Roman law. For example, the study of Roman law allows a student to see how a particularly highly developed legal system evolved from humble origins, how (and why) it came to flourish, and how it was gradually (to use the somewhat awkward technical term) ‘vulgarised’: i.e., to follow its fate from beginning to end. For me, another aspect is even more important.

Taking the legal families distinguished by Zweigert and Kötz as a cue, I think it can be said that Roman law provides (central) foundations for the Romanistic and the Germanic legal families (i.e., the civilian tradition) and also, as far as the law of obligations is concerned, to a certain, often underrated, extent of the English common law.

I have attempted to demonstrate that in my book ‘The Law of Obligations: Roman Foundations of the

относительно короткого срока (обычно три года), привязанного к критериям знания и разумной обнаруживаемости, и длительного срока, привязанного к объективному критерию, по истечении которого исковая давность наступает в любом случае (т.е. независимо от знания и разумной обнаруживаемости). Длительный срок — это необходимый баланс для единообразно (!) короткого общего срока исковой давности. Десять лет — это срок, закрепленный, например, в ст. 11 Директивы об ответственности за дефектную продукцию³ и в ряде национальных правовых систем, а также в ст. 14:307 PECL и 10.2 PICC. Тем не менее он обычно дополняется тридцатилетним сроком при причинении вреда личности. Иногда даже тридцать лет считаются слишком коротким сроком для задавливания требований о возмещении вреда из-за болезней, связанных с воздействием асбеста, или причиненного личности в результате сексуального насилия. Экологический вред также может потребовать особого подхода. Но, судя по всему, десятилетний срок давности для исков, не связанных с причинением вреда личности, в качестве общего правила пользуется значительной международной поддержкой.

— Нужно ли современному студенту изучать римское право? Что оно может дать юристу?

— Ответов на этот вопрос примерно столько же, сколько подходов к изучению и преподаванию римского права. Например, изучение римского права позволяет студенту увидеть, как высокоразвитая правовая система эволюционировала, начиная со скромных истоков, как (и почему) она расцвела и как она постепенно (используя несколько неловкий технический термин) «вульгаризировалась» — т.е. проследить ее судьбу от начала до конца. Для меня, впрочем, более важен другой аспект.

Если взять в качестве примера правовые семьи, описанные Цвайгертом и Кётцем, я думаю, можно сказать, что римское право заложило (центральные) основы для романской и германской правовых семей (т.е. для цивилистической традиции), а также, если говорить об обязательственном праве, в некоторой зачастую недооцененной степени — основы английского общего права.

³ Директива Совета Европы от 25.07.1985 № 85/374/ЕС по сближению законов, правил и административных актов государств — членов ЕС, касающихся ответственности за выпуск дефектной продукции.

Civilian Tradition'. The study of Roman law in antiquity and its subsequent development thus significantly contributes to an understanding of our modern private law: *how we got where we are and why we got where we are*. Moreover, Roman law is the basis of a tradition that we have in common, and as such it is something, I think, that we need to cherish. Even where we want to change our law, it is essential to be fully informed of that tradition — a tradition, moreover, which has never been rigid but always subject to change and adaptation. This point, too, is driven home very clearly to everyone who studies the development of Roman law, both in antiquity and from the time of its reception in medieval Europe. ■

Я попытался показать это в своей книге «*The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*». Изучение того, каким было римское право в античности и как оно впоследствии развивалось, значительно улучшает понимание нашего современного частного права: *как и почему мы пришли к тому, что имеем сегодня*. Более того, римское право — это основа общей для нас традиции, и потому, я думаю, мы должны его беречь. Даже в случае, когда мы хотим изменить наш закон, важно хорошо знать эту традицию, тем более что она никогда не была жесткой, а, наоборот, постоянно подвергалась изменениям и адаптации. Этот момент тоже очень четко виден каждому, кто исследует развитие римского права как в античности, так и с момента его рецепции в средневековой Европе. ■